

IN MEMORIAM

ПАМ'ЯТИ ВАЛЕНТИНИ ДАНИЛОВНИ НАРИВСЬКОЇ (1946–2020)

3 червня 2020 року пішла з життя Валентина Данилівна Нарівська – доктор філологічних наук, професор, відомий вчений у філологічних колах не лише в Україні, а й за її межами. Те, наскільки значущою була ця людина для багатьох, свідчить миттєва реакція на сумну новину про її смерть, відгуки співчуття, які находили майже з усіх куточків України, з Росії, Білорусі, Польщі, зворушливий некролог Наєнка Михайла Кузьмовича, який надійшов наступного дня до Дніпровського університету. Як і за життя, згуртованою командою предстали у ці дні всі ті, кому Валентина Данилівна відкрила шлях до наукових обривів – її учні-аспіранти, вже кандидати і доктори наук.

Усе життя Валентини пройшло у стінах Дніпровського (Дніпропетровського) університету, в якому вона з характерною для неї наполегливістю долала різні щаблі своєї майбутньої викладацької та наукової діяльності: від студентки до доктора філологічних наук, від лаборанта до завідувачки кафедри. Останні роки Валентина Данилівна працювала

професором кафедри зарубіжної літератури, ніякою мірою не випадаючи з контексту навчальних та наукових завдань. Навпаки, компаративні студії, якими Валентина Данилівна була завжди зацікавлена, були в цьому контексті дуже гармонійними і плідними як для тем студентських та аспірантських наукових розвідок, так і для фундаментальних і спеціальних курсів з історії літератури. Ці теми завжди відрізнялися оригінальним поворотом дослідницького мислення, новизною сприйняття вже відомого матеріалу, введенням до наукового обігу того, що невідомо або того, що залишається на маргінесі наукових пошуків.

Професійність та ерудиція були тими ознаками Валентини Данилівни, що відзначали всі, як би хто до неї не ставився – з ніжністю й дружньою участю чи із зовсім іншими, протилежними почуттями. Були і такі. Але для всіх тих, хто з нею спілкувався й співпрацював, Валентина Данилівна залишається частиною життя, яскравим й незабутнім кольором на палітрі життєвого досвіду. Вона завжди була у центрі подій, яким надавала дотепну, лаконічну оцінку. Не випадково друзі про себе звали Валентину Данилівну «мадам Жванецька», поцінюючи цю дотепну філософську мудрість її висловлювань. Їх виток, безумовно, у тих народних, національних джерелах, які жили світосприйняття і світовідчуття професора Нарівської. І, мабуть, тому головним об'єктом її наукових досліджень були проблеми національного характеру. Вона сама втілювала цей національний характер – з жартами-примовками, з вибухом гніву, з трепетною ніжністю, вихлюпуючи свої почуття з дитячою щирістю. Вона вийшла з народних джерел і повернулася туди, побажавши бути похованою там, де і народилася – на Павлоградщині.

До останнього дня Валентина Данилівна тримала руку на пульсі того, що відбувалося на кафедрі, в університеті, науці. Кожного разу колеги відчували хвилювання, коли йшли відвідувати Валентину Данилівну, яка мужньо боролася з тяжкою хворобою, що знерухомила її. Боролася з тією мужністю, з якою, мабуть, її батько, двічі орденоносець Нарівський Данила Фе-

дорович, мічман, малоземелець, боровся за визволення Севастополя, Праги, Будапешта, добувши на полях битви до самого кінця війни. Але через хвилину після зустрічі Валентини Данилівни у неї вдома, всі забували про її фізичний стан, розпочинаючи розмову про усе на світі, про університетські справи, про наукові проблеми і про життя взагалі, з приводу чого наша «мадам Жванецька», знову ж, іскрилася своїми дотепностями, мов би підбадьорюючи того, хто був з нею поруч, не залишаючи відвідувачу ані секунди на співчутливий погляд чи слово.

Такою вона і залишиться в нашій пам'яті, а рідна земля, безумовно, буде для неї пухом.

*Тетяна Миколаївна Потніцева,
доктор філологічних наук,
професор кафедри зарубіжної літератури
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара*

ТАКАЯ ЖИВАЯ И НАСТОЯЩАЯ...

В уход Валентины Даниловны Наривской, дорогой Валечки, до сих пор не верится. Ее образ никак не вяжется ни со смертью, ни даже с болезнью, хотя последние годы она мужественно боролась с ней – и преодолевала. И казалось, это будет всегда.

Долгие годы мы с Валею дружили, хотя это было чуть позже студенческих лет – в аспирантуре, докторантуре, в годы преподавания на филологическом факультете ДГУ (ныне – ДНУ) и с 93 года вплоть до ее ухода в годы, когда я стала работать в МГУ. За плечами – участие в различных конференциях Украины и России, несколько совместных работ и гораздо больше – совместных обсуждений прочитанного – и в художественной, и в специальной литературе, и просто – разговоров о жизни, о друзьях, о близких. Добрая, внимательная, остроумная Валентина была необычайно интересным собеседником, верным другом, от нее всегда можно было получить помощь в профессиональных и житейских делах. Никогда не забуду, как она поддержала меня во время кончины моей матери, никогда не утихнет боль от того, что меня не было рядом с ней, когда прощалась с жизнью она – пусть даже это произошло совсем не по моей вине, а по обстоятельствам высшей силы.

Широта эрудиции и огромный интерес В.Д. Наривской к разным явлениям культуры, к философии, живописи, музыке, к украинской, русской, французской, английской, немецкой, испанской и другим литературам обусловил в значительной мере то, что она стала прекрасным специалистом по компаративистике. Ее пытливые внимание к новым исследованиям, переводам зарубежных книг, публикации ранее неизданного реализовались и в ее научных статьях, нередко обращающихся к совсем неизученным или очень мало изученным феноменам, к спорным проблемам, и в интереснейших темах, которые она давала для изучения своим аспирантам, и, наконец, в том, что не только Днепр, но, кажется, вся Украина знала, что у Валентины Даниловны можно найти самые свежие публикации по литературоведению, философии, истории, культурологии, каких еще нет, а, быть может, и вовсе не будет даже в киевских библиотеках. И они не просто куплены и привезены ею из разных уголков Украины, России, Беларуси, Польши (о, эти всегда нагруженные сумки с книгами, поражающие воображение проводников поезда «Дніпро!»), но прочитаны и осмыслены, участвуют в рефлексии ученого, способствуют рождению порой абсолютно новых, но всегда убедительных концепций.

Валентина Даниловна щедро делилась своими идеями и была внимательна к мнениям, гипотезам, наблюдениям других коллег. Она открыла для меня, в частности, интереснейший роман друга Виктора Некрасова, харьковского писателя Гелия Снегирева, написала о нем статью, которая до сих пор является единственным серьезным научным анализом этого произведения. Единственной и не менее серьезной научной работой доныне является другая статья В.Д. Наривской – о романе, получившем престижные литературные премии – «Краткая история тракторов по-украински» М. Левицкой. В круг ее научных интересов входили Котляревский и Пушкин, Шукшин и Довженко, Кальдерон и

Йогансен, Антуан-Франсуа Прево и Всеволод Петров, Валентин Распутин и Мария Башкирцева, Ярослав Галан и Иван Шмелев и т. д. – все перечислить трудно. И все ее работы носили отпечаток ее незаурядной личности.

С уходом Валентины Даниловны Наривской ее друзья, коллеги, ученики понесли невосполнимую утрату. И фраза «светлая память...» по отношению к ней отнюдь не носит дежурного характера. Она была светлым человеком, а значит, память о ней будет светлой – и вечной...

*Наталья Тиграновна Пахсарьян,
доктор филологических наук,
профессор кафедры истории зарубежной литературы
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН*

ВАЛЮШЕ НАРИВСКОЙ

Когда уходят лучшие друзья, то солнце перестает ярко светить, птицы петь, цветы радовать. И есть только одно – боль утраты и горечь потери.

Веселый и остроумный человек, заботливая мама, такая, что и коня на скаку, и в горячую избу...

С ней было тепло и уютно. Ее шутки и задорный смех, ее остроумные и колкие ремарки. Валя. Валюша, Валентина Даниловна. Искренняя. Порой жесткая и резкая, непримиримая к фальши и лжи. Ты всегда была очень верным и преданным другом. Настоящим.

Я не стану подчеркивать научные достижения Вали. Пусть о них говорят ее ученики и коллеги. Я ее знаю, прежде всего, как прекрасную подругу, которая ценила и любила мою сестру, меня, всех наших родных и близких. Я буду всегда помнить ее как добрую, веселую, готовую прийти на помощь и поддержать.

Ты рано ушла, Валечка. Я надену подаренную тобой шаль. Я посмотрю в небо и скажу: я никогда не забуду. Спасибо, что ты была.

*Галина Тиграновна Безкоровая
кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Московского политехнического университета,
высшей школы печати и медиаиндустрии*

ГОРИЛА СОСНА...

Уходят люди моей генерации. Большие ученые, литературоведы от Бога. Мои друзья, мои соратники. Старшая современница, человек необыкновенной душевности Амина Газизова... Философ по натуре, саркастический юморист Толя Нямцу... Вот теперь Валентина Наривская.

Мы, живя в разных городах и республиках тогдашнего Союза, были большой и дружной когортой ученых-филологов образца 1980-х. Открывали новые темы, когда еще не все было дозволено. Исследовали творчество авторов, которые не вписывались в Систему. Становились докторами в 40 с небольшим, когда средний возраст профессора-литературоведа был за 60. Не было в нас осторожности и страха перед необъятным пространством литературного (и не только) мира. Мы были сообществом тех, кто дерзнул поднимать неудобные проблемы литературоведения. И не было между нами ни соперничества, ибо ощущали свое призвание как общее служение науке, ни зависти, ибо верили, что успех каждого зависит от всех нас. И также искренне верили, что время не властно над нами. Но мы ошибались.

И вот ушла Валентина Даниловна... Валя... И горько, что последние годы мы так редко общались. Я боялась звонить после нескольких не ответвленных попыток, а может, надо было быть настойчивей...

Первая встреча с Валентиной Даниловной была давным-давно, в прошлом веке. Сейчас даже не вспомню, на какой из конференций я, увидев статную темноволосую женщину, подумала: «Какая колоритная казачка». Почему-то именно такой мне виделась шолоховская Аксинья.

От той первой встречи осталось ощущение, что с этим человеком не страшно ни в какой переделке. В ней чувствовалась внутренняя сила, уверенность в себе. И готовность помочь каждому, кому помощь потребуется. Я не ошиблась в своем первом впечатлении. Человек широкой души, Валентина Даниловна щедро делилась своими знаниями и опытом со студентами и аспирантами, вырастив целую плеяду кандидатов филологических наук, создав школу молодых ученых, опекая их и окружая почти семейным теплом и заботой.

Для своих учеников она была почти мамой. Для меня – мудрой подругой, чьи советы помогали плыть в житейском море. Она была замечательным собеседником, умеющим слушать и слышать. Немало алуштинских вечеров мы провели в разговорах обо всем на свете: о выслушанных докладах, о перспективах Шмелевских чтений, о подвижнической работе в музее И. Шмелева Валерия и Людмила Цыганников, о судьбах наших приятелей, о наших детях. И чувствовалось в ее вопросах о моей семье, о здоровье родителей не любопытство, а искренняя заинтересованность в том, чтобы все было хорошо.

Наша дружба завязалась на конференции, которую проводил Володя Хазан в тогда еще мирном и гостеприимном Грозном. Окончание конференции мы отмечали в каком-то замечательно красивом горном месте, где за огромным столом, уставленным арбузами, дынями, виноградом, мы продолжали наши научные дискуссии. Оказалось, что Валентина Даниловна не только глубокий ученый, но и веселый человек. Ее чувство юмора, а особенно украинские песни, которыми она, голосистая, как большинство украинок, заставляла заслушаться, делали ее центром внимания. Как веселы и как беспечны мы были! Сколько солнца, тепла излучала чеченская земля! А через год мы с Валею с болью следили за событиями в Чечне, переживали за грозненских друзей, старались узнать об их судьбе, если понадобится – помочь им.

Мы перезванивались, знали о семейных делах друг друга, встречались на конференциях. Каждая встреча была драгоценна, оставляла ощущение радости. И после каждой оставались подарки-памятки: то колечко, то расписанная в украинском стиле тарелка, то вышиванка, то мягкая обволакивающая шаль. С грустью смотрю на них, несущих в себе частички Валиной душевной теплоты.

Память не непрерывная лента. Она высвечивает эпизоды, сценки, фрагменты нашей общей жизни-встречи. И почему-то не в хронологическом порядке, а бессознательно выдвигая на первый план наиболее яркое.

Минск. Начало 1990-х. На филологическом факультете Белорусского государственного университета, где я тогда работала, проходит конференция. А после всех подготавливающих торжеств – встреча узкого круга близких по духу людей в моей небольшой квартире на ул. Веры Хоружей. Наши литературные посиделки, где бы то ни было, всегда сопровождалась песнями. Каждый исполнял песню своего народа на родном языке. Я и сейчас слышу прекрасный по своей глубине голос Вали, когда она вместе с моим старшим сыном – студентом-первокурсником юрфака пела украинскую «Горіла сосна, палала», а шестилетний младший, распахнув свои большие глаза, как зачарованный смотрел на тетю Валею. Сегодня, когда я сообщила об уходе Валентины Даниловны, он сказал: «Сгорела, как та сосна». Вот ведь какая сила воздействия была, что и через 30 лет уже взрослый мужчина помнит нерасторжимую связь песни и образа певуны. Не певицы, а именно певуны.

Почему-то прежде всего вспоминаются не ее всегда научно выверенные, аргументированные выступления на конференциях, а пение, голос. Помню, после конференции по славянским литературам Антонина Шелемова, тогда еще доцент филфака Белорусского университета, пригласила некоторых участников к себе на белорусское блюдо – картофельные пирожки, и там состоялось своеобразное певческое соревнование между Ва-

лей и московским тургенеvedом Ириной Величкиной (тоже уже ушедшей), когда звучали то «Конфетки, бараночки», то «Несе Галя воду», а потом общее «Дивлюсь я на небо тай думку гадаю».

Валя умела видеть небо, не отрываясь от земли. Как сосна из песни, она горела, пала. Сосна, сгорая, согревает людей и искрами улетает в глубокое и далекое небо. И пусть Валиной душе будет в этом небе тихо и спокойно.

*Галина Львовна Нефагина,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской филологии
Поморской академии (Польша)*

ОНА БЫЛА СЧАСТЛИВА САМОЙ ВОЗМОЖНОСТЬЮ ПОДЕЛИТЬСЯ...

Двадцать пять лет назад Валентина Даниловна Наривская стала моим научным руководителем, почти сразу я оказалась в кругу ее постоянного общения. Сегодня эта четверть века кажется целой жизнью со своими вехами и поворотами.

Думаю, все ее аспиранты, докторанты, выпускники могут подтвердить, что она была больше, чем научный руководитель. Скорее – старший товарищ, Учитель, для которого важны не только отчеты и соблюдение сроков сдачи очередной главы. Наши и свои собственные работы она иронично называла «бессмертными трудами», без всякой иронии, но увлеченно обсуждая ученические наблюдения и делясь собственными идеями – на равных. А мы охотно рассказывали ей о рутинных заботах, связанных с профессиональной деятельностью, семьей, увлечениями, рассчитывая на поддержку, а то и помощь. Валентина Даниловна приветствовала и отмечала любые достижения подопечных (даже, когда они выходили из этого статуса формально): ее радовали новости о публикациях и докладах, о замужествах и женитьбах, о новом месте работы... Она всегда помнила дату дня рождения каждого из нас и всегда очень тепло поздравляла именинника одной из первых.

Ее ученикам было довольно просто обратиться к ней за советом (в том числе вполне житейским) и легко получить приглашение в гости. Если возникал требующий разрешения вопрос, он не откладывался в долгий ящик, не растворялся в потоке профессорской занятости, поэтому меня всегда удивляло, как она находит силы и время так активно общаться с большим количеством людей и находить это общение важным, безотлагательным.

Личная библиотека Валентины Даниловны долгие годы служила многим, поскольку даже редкими и новейшими изданиями она легко делилась и никогда их не прятала, высоко ценя знание и считая его общим достоянием. Начитанностью и памятью Валентина Даниловна обладала феноменальными, поэтому ее рекомендации к чтению всегда были максимально точными и уместными, вплоть до указания страницы для поиска нужной цитаты. Она была счастлива самой возможностью поделиться: угощением, книгой, идеей. И я благодарна судьбе за то, что мой научный руководитель стал для меня и других близким человеком, о котором думаешь и вспоминаешь без специального повода.

*Яна Викторовна Галкина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Днипро)*

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНЫ ДАНИЛОВНЫ НАРИВСКОЙ

Встреча с Валентиной Даниловной была случайной и в то же время судьбоносной, поскольку изменила мою жизнь. Познакомились мы в 2011 году в стенах больничной палаты – моя бабушка проходила курс лечения и в силу обстоятельств соседкой оказа-

лась Валентина Даниловна. С первых слов у меня возникло ощущение, что мы знакомы вечно, и что Профессор всегда была в моей жизни. Я зачарованно слушала красивую речь Ученого, внимая каждому слову и ощущая невероятную внутреннюю силу и волю сидящей передо мной женщины, ее глаза светились добротой, глубокой мудростью и в то же время теплотой и спокойствием. Этот взгляд и сейчас передо мной.

Валентина Даниловна открыла для меня дверь в храм науки и стала тем мудрым и терпеливым наставником, которого мне так не хватало. Школа профессора Наривской – это сочетание классики и новаций, органическое соединение традиционных и современных подходов в литературоведении, неординарное сочетание стандартов восприятия и новых веяний в науке, это всегда на шаг впереди, это бренд. И я безгранично благодарна за возможность стать частью этого движения вперед.

А еще это дружная, сплоченная и многогранная научная семья, где поддержка, совет, искренность, сопереживание и радость успеха – незыблемые устои. В доме у Валентины Даниловны всегда приветливо и радушно встречают дорогих гостей, и нет ничего душевнее, чем чашечка восхитительного ароматного кофе в кругу ее семьи и беседы обо всем: от современных подходов к изучению детективного жанра до захватывающих дух жизненных историй, которыми щедро делилась Профессор.

Я очень скучаю... Мне не хватает общения с Валентиной Даниловной, а рука все еще тянется к телефону, чтобы набрать ее номер... Но я все равно ощущаю присутствие дорогого мне человека. Она навсегда в моем сердце, в моей памяти, в моей душе.

*Дарья Александровна Голубь,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Днепро)*

МОЯ ДАНИЛОВНА

Не верится и неосознается. Она была из тех людей, с образом которых слово «небытие» соотносится плохо, поскольку всем существом она излучала радость жизни. Встреча с ней изменяла твоё существование, наполняла его смыслом и, конечно, оставляла след.

Валентина Даниловна Наривская была моим учителем еще со студенческой скамьи. Но судьбоносная для меня встреча с ней произошла в 2002 г. по дороге в университетскую библиотеку. Прошло 4 года с тех пор, как я защитила кандидатскую.

– Хватит собак гонять, – сказала мне Даниловна. – Пора писать докторскую. Приходи, будем учиться на ученого.

Это выражение прочно вошло в мой словесный обиход. Я слышала его и всякий раз, когда от нее уходила с ворохом записей после консультаций: «Иди, Аня, учись на ученого», и частенько в ответ, когда интересовалась, чем она занята: «Учусь на ученого». В этой фразе была вся суть Наривской – учиться постоянно, непрерывно, охватывать все новые и новые горизонты, досконально знать новейшие методологии исследования и обязательно – познанным делиться.

И началась наша с ней научная жизнь. Началась эра конференций. Это действительно была эра. Даниловна «вывозила меня в свет» и потихоньку вводила в мир науки. Ее научный мир был огромным географически – Украина, Россия, Белоруссия, Польша, Словакия, Германия, Франция – и содержательно. Он включал ученых разных специальностей и научных интересов. Но всех этих людей объединяло одно – умение служить науке в самом высоком смысле этого слова. Благодаря Даниловне я узнала этот мир и этих людей. Я не буду их здесь перечислять – их очень много. Скажу лишь, что я очень благодарна Даниловне за то, что она меня им представила, а этим Ученым – за то, сформировали меня как доктора наук и стали частью моей жизни. Я училась у них писать и училась у них служить. И до сих пор учусь, конечно же, больше всего – у Даниловны.

Алушта, 2004. Моя первая совместная поездка с Даниловной и первые для меня «Шмелевские чтения». Я с интересом слушаю ее рассказ о том, как создавалась эта кон-

ференция, как создавался открытый в 1993 г. музей И.С. Шмелева. Слушаю о директоре музея – инициаторе конференции, о том, как в 90-е, когда рушилось все, он созидал, вопреки всему стараясь сохранить и приумножить культурное наследие. Даниловна много лет была его верной соратницей. Ее стараниями изначально локальная конференция охватила практически всю Украину, Шмелев стал известен и изучаем у нас в контексте и украинской литературы, и литературы эмиграции. Сейчас эта конференция объединяет ученых из Франции, Украины, России, Польши, Беларуси, Канады, Македонии, Норвегии, Хорватии, Словакии. Много лет Даниловна была ее неизменным соорганизатором, принимала деятельное участие в разработке программ, непосредственной ее подготовке, много усилий приложила для того, чтобы конференция стала обязательным ежегодным мероприятием и очень скоро – международным. В этой ее неутомимой деятельности ощущалось стремление объединить научную мысль посредством ученых из разных стран, создать научную школу для молодых исследователей, каковой эта школа стала и для меня.

Одесса, 2006. На этой конференции, посвященной проблемам символизма, я впервые оказалась в одной секции с Даниловной. Обратила внимание на то, что людей в помещении гораздо больше, чем заявлено в программе. Спросила, почему? Получила ответ – они хотят прочитать доклады в секции, которой руководит Наривская. Я впервые увидела, как она ведет секцию. Она никого не перебивала, не следила за регламентом, всем давала высказаться. Несколькими ремарками создавала интересную и жаркую полемику вокруг докладов докторов, молодым определяла направление исследования. Я не оговорила. То, что говорила Даниловна докладчикам, нельзя назвать замечаниями – это были полноценные научные консультации к написанию диссертаций.

Она внимательно слушала старательный ученический доклад совсем юной аспирантки: – А Вы не пробовали посмотреть на эту проблему еще под одним углом зрения? Недавно вышла монография...

За 5–7 минут Даниловна назвала ей еще с десяток работ и вывела структуру диссертации. Вернувшись в Днепропетровск, отправила девочке нужные книги.

И на секцию к ней приходили все, кто понимал, что именно здесь и именно так происходит настоящая апробация твоей работы. Здесь не будет формальности, как на других конференциях, вроде «Вопросов нет? – Следующий докладчик». Здесь каждому расскажут о сильных и слабых сторонах работы, «проедутся по ней танком» (ее выражение) и дадут исчерпывающую консультацию.

Часто слышу, что Наривскую боялись. Это правда, но боялись те, кто небрежно и недобросовестно относился к науке, создавая не труды, а поделки. Халтура не вписывалась в парадигму служения Наривской, и тут она действительно могла, не стесняясь в выражениях, «рассказать, как надо Родину любить» (еще одно ее любимое выражение). Те же, кто работал серьезно и добросовестно, уважали ее безмерно за широчайшую научную эрудицию, профессионализм высшей пробы, научный талант, а главное – за готовность помочь. Ко всем, кто к ней обращался, она относилась, как к собственным аспирантам и докторантам. Не жалела ни времени, ни сил, понимая, что помощь молодым талантам реализовать – это святое и необходимое для будущего отечественной науки.

Я была свидетелем многих таких консультаций, вычитки бесконечных работ. У меня в компьютере – планы двух ее монографий, интересных замыслов, на реализацию которых так и не хватило времени. Его всегда хватало для всех, кроме нее самой...

Слупск (Польша), 2007. Долгая дорога на очередную конференцию. Даниловна в поезде перечитывает свой доклад, потом долго смотрит в окно.

– Нет, это совсем не то, давай ручку, буду переделывать.

На переделку ушли остаток дороги и два дня, которые планировалось провести в прогулках перед началом конференции. Переделка, доработка, а точнее – переписывание статьи – были ее стилем работы. С компьютером она так и не подружилась, писала по старинке от руки. Я набирала статьи на компьютере и отправляла ей чистенький текст готовой и, как мне казалось, законченной статьи. Примерно через неделю получала этот текст обратно – на нем не было живого места от перефразировок, примечаний, дописанных между строк вставок. Статья разрасталась, обретая целостность и законченность. Гораздо более чем к своим ученикам, она была требовательна к себе и к собственным трудам, стараясь

все довести до совершенства, до законченности мысли. Перед выступлениями на конференциях всегда очень волновалась. Будучи именитым доктором наук, всегда уважала всех, кто будет ее слушать. Как воспримут? Будет ли народу интересно? – Эти вопросы я слышала всякий раз, когда мы выезжали на конференцию. Этими же вопросами учила задаваться и меня.

Москва, 2009. Андреевские чтения. Зима, лютый мороз. После насыщенных конференционных заседаний – ежедневное паломничество по книжным магазинам. Научных новинок было много, покупали столько, сколько в буквальном смысле могли унести. Себе и обязательно коллегам («Там девочка на западной Украине пишет по этой теме, ей пригодится»). Так было каждый раз, когда мы приезжали в Москву. Театры? Выставки? – Только, если оставались время и деньги после покупки книг. Когда ездить уже не могла: «Там в Москве (Питере...) книга вышла, как бы нам ее достать?». Доставали. Привозили (друзья-коллеги передавали поездом). Себе и другим. Ее об этом никто не просил, понимая, что это хлопотно и дорого. Но она все равно покупала, потому что знала – книги нужны, их ждут. В Украине их не купишь, а наука не должна замыкаться в собственной местечковости, должна интегрироваться в мировую науку. Украинских ученых нужно знакомить с трудами как российских, так и западных исследователей, которые в России массово издавались в переводах, а у нас по тем временам крайне редко.

Алушта, 2011. Пленарное заседание. Шмелевские чтения. На сцене докладчица – автор одной из первых защищенных диссертаций по творчеству И. Шмелева. Мы сидим в зале с Даниловной и еще одной очень нами любимой днепропетровской коллегой – известным шмелеведом. Я слушаю доклад, и меня не покидает ощущение, что я это уже где-то слышала. Обращаюсь к коллеге:

– Это ж твой прошлогодний доклад (на этой же конференции)!

Она невозмутимо:

– Ну да.

– Так нужно же что-то делать! Она же стоит напротив тебя и в твоём присутствии воспроизводит твой же текст, выдавая его за свою диссертацию. – Моему возмущению не было предела.

– Успокойся, – сказала мне Даниловна. – Нехай вони роблять своє, а ми будемо робити своє.

Это был единственный раз, когда речь зашла о плагиате. К подобным прецедентам она относилась философски и не читала лекций своим аспирантам о том, что это табу и позор. Писать самостоятельно и этим своим примером учить других было естественно, как дышать. Иного просто было не дано – это был не ее путь. Не столько потому, что это было ниже ее достоинства, не потому, что для нее ныне затертое слово «честь» имело смысл, и уж тем более не потому, что за это могли наказать. А из глубокого уважения к чужой мысли, из стремления создавать свое, дополнить собственными найденными смыслами уже существующие смыслы, создать то настоящее, подлинное, что оставит след на бесконечном полотне научного текста.

Мы прожили с Вами много таких коротких и таких интересных лет, и продолжаем жить с Вами дальше. Учить других и делиться с ними тем, чем Вы так щедро делились с нами – знаниями, опытом, мудростью и что осталось в нас и живет в нас. На этом была выстроена школа – Ваша школа. И «помним, скорбим» здесь не уместно – забыть не получится, потому что Вы давно стали частью нас.

*Анна Аркадьевна Степанова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Днепро)*